

Мышь и павлин

Лира Тесс

Ли́ра Тесс

Мышь и павлин

<https://litres.ru/74619718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Граф Теодор Вальден — душа любого бала, мастер каламбура и обладатель самой долговязой коллекции жилетов в королевстве. Он твердо знает три вещи: шутка спасает от скуки, скука хуже долгов, а жениться он собирался не раньше сорока. Увы, за завтраком отец сообщает ему, что планы изменились. Невеста выбрана, договор подписан, пастбища на северной границе уже в восторге. Элеонора Ривенхолл — тихая, приличная и очень миловидная. Правда, по общему мнению света, примерно как красивая стена.

После свадьбы в его поместье поселяется не только жена, но и нечто куда более неожиданное. То, что Теодор привык считать тихой и предсказуемой, вдруг оказывается куда сложнее. А когда в доме появляются гости, все снова становится прежним. Кто из них двоих на самом деле прячется за удобной маской? И что делать графу, если брак по расчету вдруг перестает быть только сделкой? Легкая, теплая история о двух щитах, одном поместье и браке по расчету, в котором никто не рассчитывал на любовь.

Содержание

Глава 1. Завтрак, на котором все решили	4
Глава 2. Портрет невесты	15
Глава 3. Первая встреча	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ли́ра Тесс

Мышь и павлин

Глава 1. Завтрак, на котором все решили

Из журнала наблюдений графа Т. В. Запись первая, сделанная вечером того же дня. Состояние духа: бодрое (запись неверна). Состояние жилета: безупречное.

Меня, надо сказать, в свете знали. Знали по голосу, по жилетам и по привычке появляться в дверях за секунду до того, как в зале становилось скучно. Я был душой любого бала, а душа, как известно, нигде подолгу не задерживается: потанцевала, пошутила, исчезла. Мне было двадцать семь, я ни разу никому не отказал в остроте и ни разу не остался дома в субботу. Если бы меня спросили, чем я занимаюсь, я бы ответил: «Стараюсь, чтобы всем было весело». Если бы меня спросили, весело ли мне самому, я бы ответил очень быстро и очень смешно, так что спрашивающий забыл бы, о чем шла речь.

Я пришел на завтрак подготовленным. Прошу это отметить, потому что в дальнейшем мне долго не доводилось быть подготовленным хоть к чему-нибудь.

Дело в том, что накануне я получил счет от своего портного, господина Фрейзера. Шестьсот крон. За жилеты. Я готов был объяснить, что жилет есть не прихоть, а мировоззрение, что желтый в мелкую клетку нельзя было не купить, ибо он взглянул на меня с витрины первым, и что я, в сущности, лишь обеспечил честному человеку работу на целый квартал. Речь вышла на славу. Я репетировал ее перед зеркалом и дважды остался собой доволен.

Столовая в нашем доме в Вельгорде, столице славного королевства Эльмарк, была из тех, где солнце входит на цыпочках. Длинный стол на двенадцать стульев, из которых занимались два, и такая тишина, что слышно было, как остывает чай. Матушка, к слову, отсутствовала: уже четвертый месяц она лечила нервы на водах в Гессельне, откуда присылала письма с рекомендациями по укреплению моего характера. Нервов у нее, по-моему, было предостаточно, но лечила она их главным образом расстоянием от отца.

У отца, графа Максимилиана Вальдена, была привычка есть яйцо вкрутую, не отрывая взгляда от собеседника, как полководец принимает капитуляцию. Он как раз закончил с верхушкой, когда я вошел, поклонился и сел напротив, так бодро улыбаясь, что сам себя заподозрил в чем-то.

— Доброе утро, отец. Прекрасная погода. Облака, знаете ли, в этом году особенно выразительны.

— Теодор, — сказал отец.

Так он говорил всегда. Одно слово, но в нем было место

для целой лекции.

Мой отец был человеком государственного склада. Это значит, что любую проблему он делил на то, что можно подписать, и то, что можно пережить, и в обеих категориях меня, как правило, не оказывалось. Он любил меня, не сомневаюсь, но любил так, как любят хорошую лошадь из фамильной конюшни: гордился, вовремя кормил и совершенно не представлял, о чем с ней разговаривать.

— Я могу объяснить насчет жилетов.

— Какие жилеты?

Это было плохо. Если отец не помнит жилетов, значит, речь пойдет о чем-то, что страшнее жилетов. Я бросил взгляд на Бартоломью, нашего мажордома. Он стоял у буфета с чайником, и лицо его выражало ровно то, что выражает хорошо отполированный камень: ничего и очень тщательно.

— Бартоломью, — шепнул я, — вы знаете, что будет?

— Я не осведомлен о делах, не поданных к столу, ваше сиятельство.

— А это подали к столу?

— Яйца, ваше сиятельство. Остальное, — он наклонил чайник с ювелирной точностью, — вы сами.

Бартоломью служил нашему дому с тех пор, как я себя помню, и за все это время ни разу не выказал удивления. Я пробовал. Однажды в юности я поселил в его кладовой козу, чтобы застать его врасплох. Он вошел, оглядел козу, оглядел меня и доложил, что животное размещено согласно статусу,

а вот чай задерживается по моей вине. Я потом неделю чувствовал себя проигравшим.

Отец тем временем достал из внутреннего кармана свиток с тремя печатями. Я насчитал три и сразу понял, что дело плохо. Жилетные счета печатей не требуют. Отец развернул бумагу, откашлялся и зачитал таким голосом, каким обычно зачитывают меню на королевском обеде:

— «Статья первая. Дом Вальденов и дом Ривенхоллов, движимые взаимным уважением и желанием упрочить мир в королевстве, объявляют о союзе своих детей...»

Я перестал жевать.

— «...в лице Теодора, графа Вальдена, и Элеоноры, единственной дочери маркиза Ривенхолла».

Я проглотил то, что жевал. Оно проскочило с трудом, как плохая новость.

— Отец, вы сейчас говорите... о свадьбе?

— Статья вторая. О приданом.

— Отец!

— Статья третья. О северных пастбищах.

— О каких пастбищах?

— О северных, — терпеливо повторил отец. — Тех самых, из-за которых наши дома сорок лет не могли друг с другом разговаривать. Теперь они общие. Это, Теодор, и есть основа союза.

Мне захотелось сказать, что основа союза должна быть чуть романтичнее овец. Но я промолчал. Не из мудрости.

Просто меня никогда прежде не женили по статьям, и я не знал, в какой из них можно вставить реплику.

К тому же у меня был план. Он у меня был всегда, просто обычно его никто не спрашивал. Согласно плану, я должен был жениться лет в сорок, на вдове лет сорока пяти, у которой к тому времени будет собственное мнение, собственный капитал и собственное расписание, в которое меня не придется вписывать. План был хорош всем, кроме одного: в нем не предусматривались ни юная невеста, ни пастбища, ни отец с тремя печатями.

— Элеонора Ривенхолл, — произнес я, пытаюсь ухватить хоть что-нибудь знакомое. — Это ведь та, которая...

— Какая?

— Ну... которая стоит у колонны.

Отец помолчал.

— Все барышни стоят у колонны, Теодор. Это такая особенность колонн.

— Но эта стоит... как бы сказать. Особенно у колонны. Я, признаться, ни разу не слышал, чтобы она что-нибудь говорила.

— Значит, не станет перебивать.

Он сказал это совершенно искренне. В этом и ужас: отец в самом деле считал немногословие достоинством жены, а не диагнозом.

Тут, впрочем, я слукавил. Роясь в памяти, я вдруг вспомнил, что нас, кажется, представляли друг другу. Зимой, у

графини Ормонд, в углу, между колонной и пальмой в кадке. Я был в ударе. Я рассказал ей анекдот про епископа и сыр, потом другой, про сыр и епископа, потом, для разнообразия, про пальму. Она слушала, не отрывая глаз от моего галстука, и когда я наконец иссяк, сказала: «Благодарю вас».

Я спросил: «За что?»

Она подумала и ответила: «Так принято».

Тут я поклонился и ушел к людям, которые умеют смеяться. Но, уходя, готов поклясться, услышал за спиной странный звук. Что-то вроде короткого фыркания. Разумеется, это была тетушка Аделаида, стоявшая в трех шагах и мучимая насморком. Больше никому.

Я откинулся на стуле и в одно мгновение увидел всю свою будущую жизнь. Ряд утренних завтраков, на которых напротив меня сидит вежливое лицо и отвечает «как вам будет угодно». Ряд вечеров, на которых я произношу остроумное замечание в пустоту и слышу, как оно звенит в гостиной, будто упавшая вилка. Сорок лет. Может быть, пятьдесят, если повезет со здоровьем, чего я, судя по этой перспективе, уже не желал.

Вы, возможно, решите, что я преувеличиваю. Что молодой граф, привыкший к вниманию, просто обиделся на то, что его не спросили. Отчасти так и есть. Но было и другое, чего я тогда не смел назвать. Я боялся скуки так, как иные боятся грома. Я всю жизнь от нее спасался: шутками, чужими разговорами, чужим смехом. Стоило мне остаться в ти-

шине дольше чем на минуту, внутри что-то начинало скрестись, и я немедленно что-нибудь говорил, лишь бы заглушить. А теперь мне предлагали тишину пожизненно, с приданным и пастбищами.

— Отец, — начал я осторожно, — а если бы я... возразил?

Отец посмотрел на меня с неподдельным интересом, как на говорящую табакерку.

— Возражай.

Наступила пауза. Я выпрямился, набрал воздуха и обвел взглядом столовую. Со стен на меня глядели шесть поколений Вальденов, и ни один из них не выглядел человеком, которого когда-либо спрашивали, согласен ли он. Дед справа, судя по портрету, вообще женился на пушечной батарее. По крайней мере, так он на ней смотрелся.

В тишине тикали часы. Я раньше их не замечал. Тикали они громко, с чувством, будто знали что-то про мою судьбу и не торопились делиться. Мне стало невыносимо, и я, разумеется, заговорил:

— Какие у вас, отец, прекрасные часы.

— Это твои часы, Теодор. Ты подарил их мне на именины пять лет назад.

— Я знаю. Хотел услышать, что вы помните.

Отец вздохнул и аккуратно положил ложку.

— Возражай по существу.

Я собрался с духом.

— Я не люблю ее!

— Ты ее не знаешь.

— Вот именно!

— Значит, и не разлюбишь. Это очень выгодно в браке.

Мы с твоей матерью познакомились у алтаря, и вот уже тридцать лет...

— Матушка четвертый месяц на водах, отец.

— Тридцать лет, — с достоинством повторил он, — и ни одного скандала.

— Мне еще рано!

— Тебе двадцать семь.

— Я не готов!

— Никто не готов. Я не был готов. Король не был готов.

Нас всех поставили перед фактом, и вот мы здесь: процветаем.

Я хотел заметить, что процветаем мы по большей части на чужих пастбищах, но вовремя прикусил язык. Оставалось последнее средство, самое надежное: торжественное вступление.

— Видите ли, — сказал я, — дело в том, что я...

— Король одобрил.

Я закрыл рот.

— Лично, — добавил отец. — Вчера. Он сказал, что это лучшая новость для королевства со времен осушения болот.

Тут, друзья мои, возражать следовало бы уже болотам. Что я мог противопоставить одобрению короля, договору с тремя печатями и сорока годам пастбищной вражды? Свои

жилеты?

Никто не запрещал мне возражать. В этом и была вся хитрость. Просто в нашем кругу существуют вещи, против которых не возражают, так же как не возражают дождю или те тушке Аделаиде. Ты кланяешься, говоришь «разумеется», а потом идешь в сад и громко разговариваешь с живой изгородью.

— Свадьба через четыре месяца, — подытожил отец и аккуратно сложил свиток. — Знакомиться поедешь в четверг, к ним в дом. Мать невесты ждет тебя к трем. Она, кстати, очень приличная женщина. Говорит исключительно по существу.

— Это не обнадеживает, отец.

— Разве?

— У женщины, которая говорит исключительно по существу, дочь не может быть болтуньей.

— Вот и хорошо, — довольно кивнул он. — Видишь, ты уже все понимаешь.

И с видом человека, который мудро и вовремя завершил государственное дело, отец принялся за вторую половину яйца.

Я встал. Постоял. Взял со стола свою салфетку, зачем-то аккуратно ее сложил и положил обратно. У двери меня догнал голос:

— Теодор.

— Да, отец?

— Жилеты, кстати, оплачены.

Я обернулся. Он смотрел на меня поверх яйца, и в его лице на секунду мелькнуло что-то почти человеческое. Может быть, даже сочувствие. Может быть, просто отблеск от серебряной ложки.

— Спасибо, отец.

— Не за что. Это тебе в счет приданого.

В коридоре я задержался у окна. Бартоломью вышел следом, бесшумно, как всегда, и остановился в трех шагах, на дистанции, принятой для слуг, видевших своего хозяина в минуты слабости.

— Бартоломью, как вы думаете, она хотя бы миловидна?

— Говорят, да, ваше сиятельство.

— А смеется?

Мажордом помолчал. По его лицу проплыла тень чего-то, что в любом другом человеке я принял бы за сомнение.

— Я не слышал, ваше сиятельство.

Это было страшнее любого «нет».

Я посмотрел в сад, где на дорожке аккуратно ходил садовник Фома и вроде бы что-то говорил розам, и сказал вслух, как говорят о неизбежном:

— Скучная жена. Нет, право, не конец света. Просто конец всего остального.

— Совершенно верно, ваше сиятельство, — кивнул Бартоломью. — Прикажете подать пальто?

Я подумал. И вдруг, к собственному удивлению, почув-

ствовал, как внутри распрямляется что-то упрямое и очень знакомое. Я никогда не сдавался, не попробовав. Правда, обычно я сдавался, попробовав очень громко. Но это уже детали.

— Нет, Бартоломью. Подайте мне список всех балов этой зимы.

— Для чего, ваше сиятельство?

— Для кампании.

— Какой именно, ваше сиятельство?

Я расправил жилет, желтый в мелкую клетку, оплаченный в счет будущих пастбищ, и сказал с величайшей торжественностью:

— Я рассмешу эту женщину, если это будет последнее, что я сделаю.

— Осмелюсь заметить, ваше сиятельство, — сказал Бартоломью, не меняя выражения лица, — это может оказаться не последним.

Я предпочел не уточнять, что он имел в виду.

Глава 2. Портрет невесты

Из журнала наблюдений графа Т. В. Запись вторая. Сведения о невесте. Рост: средний. Цвет волос: благородный. Цвет глаз: не выяснен (опущены). Особые приметы: колонна.

На следующее утро Бартоломею внес в малую гостиную поднос, на котором помимо чая лежали бархатная коробочка и конверт.

— От маркизы Ривенхолл, ваше сиятельство. Доставлено лакеем в ее ливрее. Лакей просил передать, что ждет ответа и «ни в коем случае не торопит».

— Это значит, что торопит.

— Это значит, что он стоит под дверью, ваше сиятельство, и очень вежливо дышит.

В коробочке оказалась миниатюра: овальная, в золоченой рамке, размером с ладонь. Девушка с гладко убранными волосами того цвета, который живописцы называют «благородным», а все остальные никаким. Глаза опущены. Руки сложены на коленях. Мизинец отогнут ровно настолько, насколько велит учебник манер. Я сравнил ее с миниатюрой кузины Матильды, которая стояла на комодѣ и была писана тем же придворным художником. Поза совпадала до последней складки. Отличался, пожалуй, только нос, но и в этом я не был уверен.

В конверте обнаружилась карточка, исписанная безупречным почерком маркизы, словно под линейку:

«Элеонора здорова, не имеет дурных привычек, не страдает мигренями, читает по-латыни и вышивает гладью, крестом и в манере, принятой при дворе. Приданое прилагается отдельно».

— Как перечень достоинств лошади на ярмарке, — сказал я.

— Осмелюсь заметить, ваше сиятельство, — отозвался Бартоломью, — что о зубах здесь ничего не говорится. Полагаю, это добрый знак.

— А где характер?

— Характер, ваше сиятельство, в регламент не входит.

Я прислонил миниатюру к сахарнице и долго пил чай, глядя на нее. Она смотрела вбок так же смиренно, как смотрела бы в любую другую сторону. Портрет сообщил мне, что невеста существует, что у нее есть мизинец и что художник получил свой гонорар. Больше он не сообщил ничего. Как разведчик он оказался никудышным.

Оставались живые свидетели.

Первое правило любой военной кампании гласит: узнай своего противника. Второе правило гласит: не называй невесту противником вслух, особенно если за соседним столиком сидит чей-нибудь дядя. Я собирался соблюдать оба, а потому отправился за разведанными к человеку, которому не доверил бы ни денег, ни секретов, ни даже зонта, зато до-

верял безоговорочно во всем остальном.

К виконту Люсьену.

Люсьен завтракал в своем клубе в два часа дня, что он считал утром, и читал светскую хронику, что он считал образованием. Когда я рухнул в кресло напротив, он не поднял глаз.

— Ты бледен, — сказал он. — Тебя наконец отравили кредиторы?

— Хуже. Меня женят.

— Поздравляю! — Люсьен отложил газету и потянулся за чаем. — На ком?

— На Элеоноре Ривенхолл.

Он замер с чашкой на полпути ко рту. Лицо его приобрело вежливое, напряженное выражение человека, которого попросили вспомнить имя собаки, виденной в детстве.

— Ривенхолл, — повторил он. — Ривенхолл, Ривенхолл... Подожди. Это такая... в светлом?

— Не знаю. Я не уверен.

— Нет-нет, я знаю точно, я ее видел. Она стоит... — он нахмурился и прикрыл глаза, — у колонны.

— Вот! Мы с отцом пришли к тому же выводу.

— Рядом с ней, помнится, еще стояла колонна поменьше. Или это была ее мать? — Люсьен открыл глаза. — Нет, мать точно была не колонна. Мать — это такая стена с лорнетом. Ты помнишь маркизу? Она однажды поправила мне галстук прямо на лестнице. Не спросив. Я до сих пор иногда прове-

ряю, все ли на мне надето.

— Люсьен, мне нужна не мать. Мне нужна невеста. Расскажи мне о ней что-нибудь.

— Что-нибудь... — задумчиво повторил он и принялся загибать пальцы. — Она тихая.

— Это я знаю.

— Приличная.

— Знаю.

— Хорошо воспитана.

— Люсьен.

— Миловидна, — торжественно закончил он, как выкладывают козырь. — Очень милovidна! Правда, как бы это сказать... — Он повертел рукой в воздухе, будто пытаясь поймать слово за хвост. — Она милovidна... фоном.

— Фоном?

— Ну да. Знаешь, бывают картины, у которых главное — героиня на переднем плане, а бывают те, что висят позади и придают всему комнатный уют. Вот она — уют. Очень приличный уют.

Я закрыл лицо руками.

— Но ты не расстраивайся, — заботливо добавил он. — Зато ты точно знаешь, что она не станет конкурировать с тобой за внимание. Это огромное достоинство. Моя будущая жена, когда она появится, непременно будет блистать, и мне придется быть при ней мебелью. А ты, дружище, останешься в центре. Всю жизнь. Один. Как люстра.

— Люсьен, ты ужасно утешаешь.

— Я стараюсь, — скромно признался он и вернулся к газете.

— Впрочем, — спохватился он, — я человек предвзятый. Давай спросим общество.

Он щелкнул пальцами, и к столу тут же подплыл официант Жюль, человек, знающий о посетителях клуба больше, чем их исповедники.

— Жюль, мой друг женится на мадемуазель Ривенхолл. Что вы можете о ней сказать?

Жюль задумался.

— Очень приличная барышня, господин виконт.

— А внешне?

— Очень приличная, — твердо повторил Жюль.

За соседним столом, где завтракал Гастон Мелье, человек, всегда оказывавшийся там, где его не звали, оживились и подвинули стулья.

— Ривенхолл? Русая, — уверенно сказал Гастон. — Или рыжеватая. При свечах.

— Брюнетка, — возразили из угла.

— Блондинка, — не открывая глаз, пробормотал старый лорд Гейл, спавший в кресле у окна и проснувшийся от слова «колонна». — Я в этом разбираюсь. Моя бабка была блондинка.

— А глаза? — спросил я.

Общество задумалось.

— Опущены, — сказал наконец Гастон.

— Это не цвет.

— Зато всегда.

Я обвел их взглядом. Шесть человек, три версии цвета волос, ни одной версии цвета глаз, и полное единодушие насчет того, что девушка хорошо воспитана.

— Господа, — сказал я, — так бывает только с очень хорошо воспитанными людьми или с очень хорошими шпионами.

Все рассмеялись, а лорд Гейл всхрипнул и снова уснул. Только Люсьен посмотрел на меня чуть дольше, чем следовало.

— Ставлю сто крон, — объявил я, поднимаясь, — что рассмешу ее раньше свадьбы.

— Принимаю, — тут же откликнулся Люсьен. — Против.

— Против друга?

— Я верю в тебя безгранично, потому и страхуюсь.

На том разведка у младшего поколения закончилась. Я поднялся, поклонился, пожелал ему приятной хроники и вышел с тяжелым чувством, что узнал про собственную невесту меньше, чем про погоду на прошлой неделе. Зато поверхностный опрос дал любопытный результат: все описывали ее через то, чего в ней нет. Не болтлива. Не вульгарна. Не скандальна. Не заметна. Создавалось впечатление, что Элеонора Ривенхолл состоит целиком из отсутствующих качеств, и даже отсутствуют они у нее как-то очень аккуратно.

Старший эшелон разведки меня беспокоил куда сильнее. Назывался он тетушка Аделаида.

Герцогиня-вдова Аделаида принимала по четвергам, и в ее гостиной даже мебель выглядела так, будто знает про вас что-то нехорошее. Тетушка восседала в кресле с высокой спинкой, поверх которого гордо смотрела на мир, как орел с насеста, и держала на коленях маленькую собачку по имени Принц, абсолютно лысую и откровенно недовольную жизнью. Принц был единственным существом в королевстве, которому тетушка позволяла себя перебивать, и то только потому, что он этого не умел.

Над камином висел портрет покойного герцога, которого тетушка пережила, по ее собственному выражению, с огромным облегчением и в полном порядке. Взгляд у герцога был такой, будто он до сих пор ждет, что она передумает.

— Теодор, — сказала она, не вставая. — Ты женишься.

— Откуда вы знаете?! Мне сообщили сегодня утром!

— Дорогой, мне сообщили вчера вечером. Что с тобой? Ты выглядишь как человек, у которого отобрали карту прямо посреди партии.

— Тетушка, мне нужны сведения. Вы знаете все про всех. Расскажите мне про Элеонору Ривенхолл.

Тетушка медленно перевела на меня взгляд. Принц тоже. Это было очень похожее выражение.

— Про Элеонору, — повторила она, — я не знаю ничего. Я ожидал чего угодно: предостережения, сплетни, даже

лекции о моем поведении. Но чтобы тетушка Аделаида не знала чего-то о ком-то?! Я осторожно сел.

— Вы шутите.

— Я никогда не шучу о том, чего не знаю. Это дурной тон и пустая трата времени. — Она подняла холеный палец. — Послушай меня внимательно, потому что это важно. За сорок лет я не пропустила ни одного скандала, ни одного романа, ни одной растраты, ни одного дуэльного платка в приличном обществе. Я знаю, у кого в шкафу какой скелет, и могу назвать год его кончины. А про эту девочку... — она сделала паузу, — не знаю ни единого факта. Ни скандала, ни слуха, ни тайной любви, ни даже тайной ненависти к рыбному соусу. Я проверяла.

— Вы... проверяли?

— Разумеется, проверяла. Я каждого проверяю. Все знают: если ты упомянут в моей гостиной, значит, ты кому-то интересен. А она за три сезона не упомянута ни разу. Это было настолько странно, что я даже навела справки у ее горничной.

— Тетушка!

— Горничная сообщила, что барышня встает в шесть, ложится в десять, читает, вышивает и не жалуется. Ни разу. Ни на что. — Герцогиня откинулась на спинку и посмотрела на меня с искренним возмущением. — Скажи мне, Теодор, ты слышал когда-нибудь о двадцатилетней девушке, которая не жалуется ни на что? Это же противоестественно.

Принц негромко вздохнул, как существо, много повидавшее.

— А мать? — спросил я с надеждой. — Люсьен упомянул, что маркиза...

— О, Бенедикта Ривенхолл, — тетушка поморщилась с неподдельным уважением. — Энциклопедия. Ходячий устав. Она однажды поправила мне веер на похоронах моего мужа. Прямо в процессе рыданий. И что самое неприятное, оказалась права: веер держался неправильно.

— А отец?

— Маркиз молчит. Очень громко. Его молчание слышно в соседней комнате. Я бы сказала, что девочка выросла между двумя крайностями, но ни одной из них не доставалось от нее ни слова.

Я уставился в узор на ковре. Узор был сложный и вызывал желание сдаться.

— Значит, ваш вердикт?

— Мой вердикт такой, — торжественно произнесла тетушка. — Воспитание в ней настолько хорошо, что вышло на первый план, а сама девушка отступила за кулисы. Это бывает. Обычно потом жизнь долго и безуспешно ищет, куда она отступила. — Она поглядела на меня поверх пенсне, и мне на мгновение показалось, что в ее голосе мелькнула нотка, которую я не сумел определить. — Хотя вот что странно...

— Что?

— Я наблюдала за ней на трех балах. Тихие девицы обыч-

но скучают. Смотрят на часы, на двери, на потолок. А эта ни разу не посмотрела на часы.

— И что это значит?

— Не знаю, — сухо сказала тетушка. — Именно поэтому я об этом и говорю. Я терпеть не могу, когда чего-то не знаю.

— Могу дать тебе один совет, — добавила она, словно отсчитывая монету. — Не пытайся ее развлекать.

— Я? Не развлекать? Тетушка, это все равно что просить рыбу не плавать.

— Тогда плавай потише. Тихих людей пугает шум, и от него они прячутся еще глубже. Ты когда-нибудь пробовал достать улитку из раковины, крича на нее?

— Не доводилось.

— Вот и не пробуй. — Она помолчала. — Хотя ты, конечно, попробуешь. Ты же Вальден. Вы все сначала кричите на улиток, а потом удивляетесь.

Принц фыркнул, и, по-моему, одобрительно.

Она гладила лысую голову Принца и смотрела куда-то мимо меня, и я понял, что разговор закончился, а вместе с ним закончилась и надежда на хоть какую-нибудь зацепку. Я поблагодарил, поцеловал ее руку (а Принц — вот уж невежа — отвернулся) и откланялся.

Домой я возвращался в карете, глядя в окно. Улицы текли мимо, люди кланялись, лавочники улыбались, на углу какая-то барышня уронила платок так мастерски, что я чуть не вышел. Обычно такие мелочи доставляли мне истинное удо-

вольствие. Теперь я смотрел на них, как смотрит приговоренный на последний закат: с любопытством, но уже издали.

Вот что я знал про свою будущую жену, подытоживая день. Она тиха. Она приличная. Она миловидна, хотя предположительно «фоном». Она встает в шесть. Она не жалуется. Она не смотрит на часы.

Последнее, признаться, я никак не мог понять. Человеку, который проводит всю жизнь у колонны, полагается считать минуты до избавления. Но что, если, подумал я мельком, она вовсе не ждет избавления? Что, если ей просто... все равно?

Эта мысль была слишком страшной, и я отогнал ее, как отгоняют навязчивую муху.

Я честно попытался вообразить ее голос и получил скрип пера по бумаге. Попытался вообразить смех и получил тишину, причем вежливую. Попытался вообразить лицо, и получилась колонна, в светлом платье и с опущенными глазами. Воображение у меня, как правило, работало безотказно, но теперь явно ушло в отпуск и оставило записку: «Материала нет».

В конце концов, решил я, если уж страдать, то красиво. Страдание — тоже искусство, а я, при всех своих недостатках, всегда был человеком искусства. Я буду мужественно нести бремя тихой жены. Я буду переносить его с достоинством. Со вкусом. С вдохновением! И непременно в новом жилете.

Я постучал в потолок кареты и велел кучеру ехать к гос-

подину Фрейзеру.

— К портному, ваше сиятельство? — удивился кучер. — Но ведь вы ему задолжали...

— Задолжал — оплачено. Приданым. А теперь мне нужен траурный жилет.

— По кому, ваше сиятельство?

— По моей холостой жизни. Черный. Но с золотой строчкой, — уточнил я после короткого раздумья. — Чтобы страдание выглядело дорого.

Кучер кашлянул и тронул лошадей. Я откинулся на подушки, довольный собой, и на целых три квартала почти поверил, что все складывается как нельзя лучше.

Потом мимо прошла чья-то свадебная процессия, и мне стало дурно.

Домой я вернулся поздно. Миниатюра стояла там, где я ее оставил, прислоненная к сахарнице, и смотрела вбок. Я взял ее, сам не зная зачем, и перевернул.

В углу, на обороте, карандашом, мелким и очень аккуратным почерком было написано: «Нос не мой».

Я долго смотрел на эти три слова. Потом решил, что это ремарка придворного живописца, раздосадованного придирами заказчиков. Живописцы, как известно, народ обидчивый. Я положил миниатюру лицом вниз и пошел спать.

Заснул я не сразу. Нос, надо признать, на портрете действительно был какой-то слишком старательный.

Глава 3. Первая встреча

Из журнала наблюдений графа Т. В. Запись третья. План беседы составлен: четырнадцать шуток основных, три запасных, одна на крайний случай. Погода: ясная. Настроение: решительное. Невеста: не установлена.

Утром в день визита Бартоломыю разложил на кровати три жилета, как гадалщик раскладывает карты.

— Абрикосовый, ваше сиятельство. Изумрудный. И серый.

— Серый — это траур.

— Серый — это приличия, ваше сиятельство. Маркиза, по сведениям, предпочитает серое.

— Серое я надену на свадьбу, Бартоломыю. А пока позволю себе пожить.

Я выбрал абрикосовый, с золотой нитью, самый скромный из тех, что у меня остались. Бартоломыю помог мне его застегнуть и отступил на шаг с лицом человека, наблюдающего за отплытием корабля.

— Граф-отец просил передать, — сообщил он, — что на вашем месте воздержался бы от епископа.

— Откуда он знает про епископа?

— Его знает весь город, ваше сиятельство. Вас, насколько мне известно, в нем узнают по сыру.

— Передайте отцу, что я человек, а не шарманка.

— Непременно, ваше сиятельство. Он, вероятно, ответит, что шарманка хотя бы предсказуема.

В четверг, без десяти три, я стоял перед дверью дома Ривенхоллов на Липовой улице и репетировал улыбку. Улыбка получалась трех сортов: победоносная, сочувственная и «я тут случайно, но очень рад». Я выбрал третью как самую безопасную и позвонил.

Дом был построен по тому же принципу, что и его хозяева: ни одной лишней детали. Ни завитушки на перилах, ни пылинки на ступенях, ни портрета с живым выражением лица. Дворецкий распахнул дверь так, будто репетировал это с утра, и произнес «граф Вальден» тем голосом, каким объявляют результаты экзаменов.

В холле у стены стоял вчерашний лакей Ривенхоллов. Он смотрел на меня с тихой укоризной человека, который все еще ждет ответа. Я вспомнил, что на карточку маркизы так и не ответил, и почувствовал себя виноватым, как школьник перед чужой гувернанткой. Лакей поклонился так вежливо, что я понял: меня не простили, но ради приличий не станут об этом напоминать.

Гостиная ждала нас в полной боевой готовности. Стулья стояли ровно, лицом к двери, как перед судом. На столике лежала скатерть без единой складки, а чайный сервиз был расставлен с такой точностью, что я невольно проверил, не измеряли ли расстояния линейкой. (Измеряли. Я потом узнал.)

Маркиз Освальд Ривенхолл поднялся мне навстречу: высокий, сухой, с лицом человека, который научился молчать раньше, чем ходить. Он кивнул, пожал мне руку и сел. За весь визит он не произнес ни слова, но тишина вокруг него была такая плотная, что я дважды поймал себя на желании ему ответить.

Маркиза Бенедикта направила на меня лорнет, как наводят орудие.

— Граф. Вы вошли в три часа две минуты.

— Я приехал без десяти, — признался я.

— Вот именно. Десять минут вы простояли за дверью. Это нехорошо. Порядочный человек либо входит, либо уходит.

Я хотел заметить, что порядочный человек еще может репетировать улыбку, но решил, что это не тот случай.

— И спина, — добавила она.

— Простите?

— У вас, граф, спина. Она должна быть прямой, но не как у человека, который боится. А как у человека, которому нечего скрывать.

Я выпрямился. Ощущение было такое, будто меня настроили, как инструмент. Где-то за окном мирно проехала телега, и я позавидовал ее вознице.

— И жилет, — продолжила маркиза.

— Что с жилетом?

— Он вошел в гостиную на секунду раньше вас. Это было заметно.

Элеонора вошла ровно через три удара часов, с таким точным интервалом после матери, что их, казалось, соединяла невидимая веревочка. На ней было светлое платье, волосы убраны гладко, глаза опущены. Я сразу отметил, что живописец ошибся: волосы у нее были вовсе не «благородного» цвета, а русые, с теплым медным отблеском там, где на них падал свет из окна. Но нет, ошибка живописца, конечно, была не главной. Главным было то, что она выглядела миловидной, как и говорили, и при этом так, словно ее делали для того, чтобы на нее не смотрели дольше секунды.

Была еще одна мелочь, которую я отметил машинально, как отмечаю цвет галстука встречного: на среднем пальце ее правой руки темнело крохотное чернильное пятнышко. Для барышни, вышивающей гладью, крестом и в манере, принятой при дворе, это было странно. Но, возможно, и придворные вышивальщицы иногда подписывают меню.

— Граф, — сказала она тихо и ровно и опустила в реверанс: глубина ровно та, что положена невесте, ни дюймо́м меньше.

— Мадемуазель, — отозвался я и поклонился с видом человека, довольного жизнью.

Началась беседа.

Чай разливала маркиза, по правилу: три глотка, чашку на блюде, ожидание. Я сделал три глотка. Ожидание получилось неловким, и я немедленно открыл ларец с остро́тами.

— Какая нынче погода! — начал я. — Я бы сказал, что она

в хорошем настроении, но, боюсь, это я на нее проецирую.

— Да, — сказала Элеонора.

Я подождал. Продолжения не последовало.

— Вы любите музыку? — предпринял я обходной маневр.

— Да.

— Какую?

— Как вам будет угодно.

Я посмотрел на нее, потом на маркизу. Маркиза расправила плечи.

— Элеонора любит всякую приличную музыку.

— Это широкий жанр, — заметил я.

— Да, — согласилась Элеонора.

Ну что ж. Я перешел к тяжелой артиллерии. Рассказал про лошадь графа Ормонда, которая однажды съела парик посла. Про кота нашей кухарки, который научился открывать дверцу буфета и, как мы подозреваем, ведет там тайную жизнь. Про епископа и сыр. И уже на середине последнего я с ужасом понял, что рассказываю этот анекдот человеку, который его слышал. В декабре. У пальмы.

Договаривать было поздно. Я довел его до конца, как приговоренный доводит шаг до эшафота. Элеонора выслушала все с вежливым лицом, дождалась последнего слова и сказала:

— Благодарю вас.

— За что? — спросил я, не веря своим ушам.

— Так принято.

Точь-в-точь. Как в прошлый раз. Я начал подозревать, что имею дело не с человеком, а с хорошо смазанным механизмом. Маркиза удовлетворенно опустила лорнет.

— Прекрасно, — произнесла она.

Я огляделся в поисках спасения и применил ход, который выручал меня в сотне гостиных.

— Какая у вас строгая комната, маркиза! Здесь, должно быть, часто выносят приговоры.

— Здесь пьют чай, граф.

— Это почти одно и то же, — выпалил я прежде, чем успел подумать. — С разницей в сахаре.

В гостиной воцарилась тишина. Маркиз сделал глоток чая. Это был самый выразительный глоток, какой я когда-либо слышал.

Я решил сменить тактику и обратиться к мужчине.

— Маркиз, — сказал я с неподдельной надеждой, — как поживают ваши северные пастбища?

Маркиз открыл рот. Закрыв. Посмотрел на жену.

— Освальд не обсуждает сделки за чаем, — сказала маркиза.

Маркиз с достоинством кивнул, и я мог бы поклясться, что в этом кивке мелькнуло облегчение, а может быть, и тоска по пастбищам.

Тридцать четыре минуты спустя я растратил четырнадцать основных шуток, все три запасные и половину крайней. Элеонора на каждую отвечала одним из трех слов, и я

бы поспорил, что она вообще ни разу не подняла глаз выше уровня моей жилетной пуговицы. Пуговица, к слову, была самой дорогой частью моего туалета, и ей так внимательно смотрели в лицо, что я начал чувствовать себя некомфортно.

Последний выстрел, как водится, оказался нечаянным. Я замолчал (боги, как тяжело!), и, чтобы не просто молчать, стал разглядывать невесту. Раз уж судьба связывала меня с ней пожизненно, имело смысл хотя бы запомнить лицо. Глаза не давались, они все время были опущены. Зато нос, о нет, нос был отличный, и я вдруг поймал себя на том, что сличаю его с миниатюрой. Нос был не тот. На портрете он выходил старательным, чуть прямым, парадным, а здесь, при живом свете, оказался слегка вздернутым, совсем чуть-чуть, будто он имел собственное мнение о происходящем и не считал нужным его скрывать.

Меня поймали. Элеонора, видимо, почувствовала взгляд, потому что на одну секунду подняла глаза и посмотрела прямо на меня. Взгляд был совершенно не робкий. Он был спокойный, внимательный, оценивающий, как у человека, поймавшего вора за тем, что тот украл не то. Потом ресницы опустились, и все вернулось на свои места.

Я откашлялся.

— Вы очень похожи на свой портрет, мадемуазель.

— Благодарю вас.

— Особенно нос.

Маркиза замерла с лорнетом на полпути к лицу. Маркиз

поставил чашку так бережно, как ставят на место хрупкую вещь, которую только что чуть не уронили. Я осознал, что произнес вслух.

— Как вам будет угодно, — сказала Элеонора.

И вот тогда это случилось. Уголок ее губ дрогнул. Одно мгновение, не больше, будто тихая рябь пробежала по воде и тут же разгладилась. Я даже не успел понять, что видел. А она уже сидела так, как и прежде: прямая, спокойная, с опущенными глазами.

— Элеонора, — сухо сказала маркиза, — не гримасничай.

— Да, матушка.

Визит завершился в три пятьдесят, как и было задумано. Маркиза поднялась, и мы все поднялись следом, как встают в храме.

— Граф, на балу у Ормондов вас ждут обе семьи. Говорят, вы превосходно танцуете.

— Говорят, маркиза. Иногда это правда, а иногда следствие хороших ботинок.

— Элеонора, проводи графа до дверей.

Это было десять шагов: через гостиную, по коридору, до передней. Позади, на положенных трех шагах, шел все тот же лакей и дышал очень вежливо. Я собрал остатки красноречия и набрал воздуха, но Элеонора заговорила первой. Тихо, не поворачивая головы, глядя в стену:

— Возьмите зонт, граф. Будет дождь.

Я посмотрел в окно. Небо было ясным, как совесть мла-

денца.

— Вы уверены?

— Как вам будет угодно.

Лакей подал мне шляпу. Зонта у меня, разумеется, не было.

Я немного постоял на крыльце переводя дух. В карету я сел в состоянии, которое описал бы как «растерянный триумф». Из кареты увидел, как Элеонора в окне второго этажа задерживает штору: аккуратно, ровно, одним движением.

К Липовому мосту небо потемнело, и к дому Вальденов я подъехал под ровный деловитый дождь. Утром, повторю, небо было чистым. Позже я специально проверил: окна ее гостиной выходят на запад, откуда и приходят все тучи. Так что, строго говоря, никакого чуда. Просто девушка, которая умеет смотреть в окно.

Вот итоги визита. Тридцать восемь минут. Четырнадцать шуток, три запасные, половина крайней. Один «Благодарю вас», тот же, что и в прошлый раз. Одно «Так принято», точь-в-точь как в декабре. Три «как вам будет угодно» там, где такого ответа не требовалось и даже не предполагалось. И один уголок губ, на который я не поставил бы и ста крон.

Сто крон, подумал я, были пока не потеряны. Но уже ощутимо поколеблены.

Потом я вспомнил о дрогнувшем уголке и решил, что, разумеется, мне показалось. Это же была колонна. А колонны, как известно, не смеются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.